

Данилова Ю. Ю. Лингвокогнитивные аспекты самоидентификации российских немцев : по данным анкетирования и глубокого интервью респондентов / Ю. Ю. Данилова, А. А. Ивыгина // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 88—101. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-88-101.

Daniilova, Yu. Yu., Ivygina, A. A. (2017). Linguistic and Cognitive Aspects of Self-Identity of Russian Germans: by Questionnaires and Depth Interviews Data. *Nauchnyy dialog*, 12: 88-101. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-88-101. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 81'27:316.344.8 +81:39

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-88-101

Лингвокогнитивные аспекты самоидентификации российских немцев: по данным анкетирования и глубокого интервью респондентов¹

© Данилова Юлия Юрьевна (2017), orcid.org/0000-0003-0004-5885, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Елабужский институт Казанского федерального университета (Елабуга, Россия) daniilovaespu@mail.ru.

© Ивыгина Алена Александровна (2017), orcid.org/0000-0002-6080-0435, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Елабужский институт Казанского федерального университета (Елабуга, Россия) iingvistika@mail.ru.

Рассматривается вопрос этнолингвокультурной самоидентификации современных этнических немцев, проживающих на территории Республики Татарстан, Республики Удмуртия и Казахстана, а также репатриировавших в Германию. Статья является описанием двухлетней научно-исследовательской работы авторов по сбору эмпирического материала, позволившего представить аналитико-статистические данные, полученные в результате проведения лингвистического эксперимента с опорой на метод анкетирования и интервью. Актуальность исследования обусловлена самим феноменом «русские / российские немцы» (они являются представителями двух самобытных этнокультур). Проведено изучение специфики их языковой и этнокультурной самопрезентации и самоидентификации. Изучение этноса русских / российских немцев можно рассматривать как вклад в исследование способности к интеграции. Научная новизна состоит в том, что данное изыскание призвано раскрыть культурно-языковые особенности (с привлечением лингвистической и экстралингвистической информации) русских / российских немцев и дать ответ на главный вопрос исследования: являются ли современные представители этнических немцев «капсульной» или «открытой»

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ 15-04-00011а «Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы самопрезентации и самоидентификации»

диаспорой. Особое внимание в статье авторы также уделяют выявлению отличий русских немцев из Казахстана и таковых из Российской Федерации (на примере двух республик). Кроме того, выявляются так называемые «казахско-немецкие», «русско-немецкие», «татаро-немецкие» культурно-языковые ареалы в сообществах мигрантов по большей части 3-го, 4-го, 5-го и последующих поколений.

Ключевые слова: русские немцы; российские немцы; этнолингвокультурная самоидентификация; язык; этнос; миграция; Республика Татарстан; Республика Удмуртия; Казахстан; Германия.

1. Введение

Сохранение народом своей национальной идентичности, языка и культурного наследия — один из актуальных вопросов современности. В частности, для филологии особый интерес представляет исследование самобытности этнолингвокультуры носителей / представителей двух и более культур, поскольку их самоидентификация, с одной стороны, неоднозначна, а с другой — уникальна. Интерес к вопросу о (само)идентификации российских немцев, вызванный к жизни двойственностью восприятия этой нации в РФ, их собственной неоднозначной этнолингвокультурной идентификацией, явился причиной обращения авторов статьи к изучению феномена «российские немцы».

В рамках проекта РГНФ 15-04-00011а «Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы самопрезентации и самоидентификации» (2015—17 гг.) исполнителями гранта (с участием студентов-волонтеров Т. Евтеевой, Д. Алмагамбетовой, Т. Власовой, И. Ушковой, А. Саушкиной, Л. Ягудиной) предпринимаются попытки выявить и описать специфику этнолингвокультурной самоидентификации этнических немцев. Для сбора необходимых сведений (в частности, поиска респондентов) с последующей их обработкой рабочей группой используются разные методы и способы: анкетирование (путем личной беседы или личной переписки) респондентов [Салимова, 2017; Евтеева, 2016; Ягудина, 2016 и др.], обработка архивных данных, в частности, анкет / автобиографий и личной, частной переписки [Салимова, 2016; Salimova, 2016 и др.], анализ художественных и публицистических произведений российских немцев, в основу которых был положен личный опыт, то есть с элементами автобиографического изложения [Данилова, 2016; Салимова, 2017; Ивыгина, 2017 и др.].

Более того, поставленный вопрос рассматривается исполнителями проекта в двух ракурсах: в лингвистическом и собственно лингвистическом.

Рассмотрение и описание социокультурной ситуации, на наш взгляд, необходимо, поскольку это пресуппозиция проблемы: внешние обстоятельства обуславливают специфику самого феномена «российские немцы», объясняя

ют современные реалии жизнедеятельности этнических немцев, их лингвокогнитивное существование и, как следствие, позволяют охарактеризовать доминанту этнолингвокультурной комбинации и тип («капсульный» и / или «открытый») речеповеденческой модели, мышления, восприятия окружающей действительности и себя в мире. Экстралингвистический вектор изучения вопроса прослеживается нами, например, в следующих работах: «Историко-социальный подход к проблеме языка и культуры российских немцев Поволжья (на материале опубликованных архивных документов)» [Салимова, 2015]; «О “рожденных в России и рожденных Россией” немцах в истории русской литературы» [Данилова, 2015], «П. Аделунг и его потомки: биография и судьба рода российских немцев» [Ивыгина, 2016] и др.

Лингвистический аспект нашел реализацию, например, в следующих статьях исполнителей проекта РГНФ: «Этнонимы “русский” и “немец” как маркеры самоидентификации личности: на материале автобиографического романа российского немца Якова Иккеса “На задворках распятой страны”» [Ивыгина, 2016], «Концептуальная оппозиция “свой — чужой” как способ самоэтноидентификации российских немцев [Данилова, 2016], «Определение этнонима как способ этнической (само)идентификации российских / русских немцев» [Данилова, 2016], «Проблема этнокультурной самоидентификации этнических немцев в публицистике Р. Лейнонена: к вопросу о двументальности» [Данилова, 2016] и др.

Целью настоящей статьи явилось изучение этнической и лингвокультурной самоидентификации современных представителей российских немцев. Применялись вербально-коммуникативные методы анкетирования и глубокого интервью.

2. Методы исследования. Характеристика участников эксперимента

В роли респондентов выступили 50 человек, либо постоянно проживающих, либо проживавших длительное время (с 90-х годов XX века репатрировавшие на историческую родину) на территории Республики Татарстан (далее — РТ) в городах Елабуге, Набережные Челны, Менделеевске, Казани и др. — 24 этнических немца; в Республике Удмуртия (УР) — 3 этнических немца, проживающих в городах Можге и Ижевске; в Казахстане (РК) — 23 этнических немца (из них 3 человека живут и в настоящее время в РК, 20 — репатрианты, вернулись из Казахстана в Германию).

Индивидуальной особенностью респондентов, привлеченных к анкетированию, является владение двумя-тремя языками, что объясняется местом их проживания на территории с двумя государственными языками. В РТ — русский и татарский, в УР — русский и удмуртский признаны рав-

ноправными на государственном уровне [Конституция РТ; Конституция УР]. В РК несколько иная языковая политика и ситуация: национальный язык один — казахский, но русский язык может официально употребляться в организациях республиканского значения и органах местного самоуправления [Конституция РК]. Этот фактор, с одной стороны, усложнил задачу исследователям, поскольку в некоторых случаях были получены непредсказуемые ответы, а с другой стороны, позволил выявить, как влияет не только «лингвокультурный ареал», но и территория (страна) проживания на процесс самоидентификации человека.

В целом 50 респондентов, участвовавших в анкетировании и интервьюировании, были приняты нами за 100 % участников с целью воссоздания наиболее объективной картины в процессе обработки статистических данных и последующем описании полученных результатов.

Со всеми реальными респондентами (под которыми мы будем понимать группу лиц, находившуюся с нами в непосредственном контакте лично, по переписке, в том числе через соцсеть «В Контакте», через общение в мессенджере «Skype») было проведено глубокое интервью, предполагающее использование метода сбора информации посредством личной беседы с информантом.

Важно отметить, что в рамках данной статьи мы приводим информацию о тех респондентах, которые не только приняли участие в анкетировании, но и дали свое добровольное согласие на обработку личных данных и публикацию полученных результатов в открытом доступе.

В анкетировании приняли участие представители разных возрастных групп: так, самым молодым участникам 19 лет (Кристина Фрезе, Виктория Эрлих), самому взрослому — 87 лет (Минна Петровна Колоскова, урожд. Майснер) на момент сбора информации (в большинстве случаев это 2015 — 2016 годы, хотя сбор эмпирического материала активно осуществляется до настоящего времени).

3. Статистика и результаты исследования

Всем участникам эксперимента была предложена анкета с вопросами, ответы на которые позволили уточнить их этническую и лингвокультурную самоидентификацию.

Отвечая на вопрос о причислении себя к конкретной этнической группе, 46 % (24 из 50) опрошенных отнесли себя к русским, что составило в количественном соотношении большинство. Так свою национальность («русская / русский») определили, например, Э. Ленц (36 лет), Л. Кешнер (29 лет), И. Бауэр (39 лет), Т. Шмидт (57 лет), Ю. Шнайдер (23 года),

И. Шелленберг (66 лет), Э. Бехер (76 лет), А. Виттих (23 года), Л. Кешнер (29 лет), В. Л. Виноградов (54 года) и др. Были и ответы с комментариями, как правило, записанными в ходе личной беседы. Так, например, А. В. Виноградов (27 лет) не просто ответил, что чувствует себя русским, но и добавил: *так как немецкой крови-то и не осталось уже*.

Пятеро (10 %) реципиентов причисляют себя к немецкой нации, в их числе Э. Раух (79 лет), Э. Бехер (в замужестве Чумичкина) (53 года), О. Герман (45 лет), И. Гольдер (48 лет), В. Абт (66 лет).

Идентифицировали себя «российскими немцами» 16 респондентов, что составило 32 % от общего числа опрошенных и их реакций: К. И. Фрезе (19 лет), К. И. Фрезе (21 год), А. И. Кельш (25 лет), А. Шмидт (68 лет), А. Латсман (32 года), Г. Вингер (67 лет), Н. Норберт (52 года), О. Шваб (68 лет), Е. В. Рац (82 года) и др. Были получены и такие ответы:

К. В. Кукскаузен (23 года): *Русская, немка, — российская немка;*

М. П. Колоскова (урожд. Майснер; 87 лет): *Да русская я! — российская немка.*

Подобная самоидентификация свидетельствует о бикультурности этой группы людей. Более того, у некоторых (преимущественно у молодых) респондентов наблюдается повышенный интерес к немецкой этнолингвокультуре, к родословной своей семьи. Ярким примером тому является К. И. Фрезе, 21 год (г. Можга УР). По мнению респондента, познание своих корней, языка и культуры своих предков позволяет открыть дорогу к самопознанию.

Помимо ожидаемых, традиционных ответов были получены уникальные, неожиданные реакции. 2 респондента (4 % от общего числа) чувствуют влияние, помимо русской и немецкой, других этнолингвокультур. Так, Е. Г. Сайбель (37 лет) сказала о себе: *Российская немка, можно даже сказать, что больше татарская немка;* Н. Скалон (60 лет) свою национальность определил так: *казахский / казахстанский немец*. Екатерина живет и работает в г. Елабуге РТ, на момент анкетирования (2015—2016 гг.) она возглавляла пресс-службу Елабужского института Казанского федерального университета. Специфика ее самоопределения обусловлена, на наш взгляд, территорией проживания реципиента, где татарское этнокультурное начало сильно, и доброжелательными отношениями с представителями коренных наций. Второй участник по специальности филолог, долгое время преподававший в Казахском университете. Он в совершенстве владеет казахским языком, что, возможно, и обусловило такую его самоидентификацию.

Остальные 8 % — Э. Янке (22 года), А. В. Роотермель (51 год), М. Н. Шнайдер (35 лет), А. И. Вейт (44 года) — затруднились ответить на данный вопрос. Причем были те, кто поставил прочерк в анкете ил от-

ветил / подчеркнул: «не знаю / затрудняюсь ответить». Среди респондентов были и те, кто дал развернутые ответы, полные сомнений. Как правило, это происходило при личной встрече. Так, например, Александр Роотермель (51 год), очень скромный человек, встречи с которым мы долго ждали, в ходе беседы, когда мы предлагали ему разные формулировки вопроса и ответа, искренне признался: *Всё перемешалось ведь, всё, — не поймешь, то ли русский, то ли немец; Не знаю даже, что и сказать, вроде немец я, и кровь во мне немецкая, и фамилия немецкая, но рожден я в России. Наверное, русский я... Хотя, нет, называйте меня русским с немецкими корнями.*

В целом полученные ответы позволяют прийти к выводу о влиянии индивидуальных условий (территория проживания, взаимодействие с представителями других наций, «лингвокультурный ареал», смешанные браки и т. п. — условия, вынуждающие интегрироваться) при идентификации себя в качестве представителя той или иной нации.

Среди многообразия факторов этнической идентичности особо выделяется один — национальный язык, поскольку именно язык обеспечивает единство этноса и организует языковое сообщество.

Причисление себя большинством реципиентов к представителям российских немцев во многом обусловило и признание ими русского языка в качестве родного, поскольку именно он необходим для самовыражения (коммуникации). Так считает подавляющее большинство из числа опрошенных — 82 % (41 человек из 50), причем как представители молодого поколения, так и более возрастные респонденты: Э. Янке (22 года), А. А. Витих (22 года), К. В. Куксгаузен (24 года), Ю. Шнайдер (23 года), А. И. Кельш (25 лет), Э. Ленц (26 лет), А. В. Виноградов (27 лет), Л. Кешнер (29 лет), А. Латсман (32 года), М. Н. Шнайдер (35 лет), Э. Ленц (36 лет), Е. Г. Сайбель (37 лет), И. Бауэр (39 лет), А. И. Вейт (44 года), Н. Норберт (52 года), В. Л. Виноградов (54 года), Т. Шмидт (57 лет), Н. Штеклейн (57 лет), Н. Скалон (60 лет), И. Э. Фрезе (60 лет), И. Шелленберг (66 лет), Г. Вингер (67 лет), О. Шваб (68 лет), А. Шмидт (68 лет), Э. Бехер (76 лет), Е. Рац (82 года) и др.

Следует отметить, что на самом деле ситуация сложилась далеко не однозначная: в ходе личных встреч и бесед (в том числе в условиях удаленного общения) с респондентами были получены ответы, которые в некотором смысле «расходились» с ответами, данными участниками при заполнении анкеты. Например, Тамара Шмидт (57 лет) в анкете указывает русский язык в качестве родного, необходимого для самовыражения. В личной беседе оговаривается: *Я сейчас двуязычная. На наш взгляд, это более точная самоидентификация, которая обусловлена объективными*

причинами: во-первых, в 26-летнем возрасте она (вместе с супругом) эмигрировала в Германию (1986 г.); во-вторых, основным языком общения *во всех сферах жизни* (выдержка из анкеты), в частности, в семье, на работе правомерно является немецкий (хотя русский активно используется в общении *с внуками (чтобы научить), с мужем*; в-третьих, Тамара корреспонденцию читает, новости, передачи и фильмы смотрит на немецком, то есть функциональная нагрузка немецкого языка в жизнедеятельности респондента выше. Эффект затрудненной лингвосамодентификации испытывает Юлия Шнайдер (23 года): *Ну, если считать по национальности, то, наверное, родной — немецкий, но дома больше говорим на русском. Я не знаю, затрудняюсь сказать, что уж тут родное.* В анкете указано: языком страны нынешнего пребывания респондента является немецкий, при этом языком общения на работе и дома — русский, именно он определяется как «родной». В то же время вопрос «Какой язык(и) являе(ю)тся родным(и), неотъемлемо необходимым(и) респонденту для самовыражения?» в анкете Юлии остается без ответа.

Были и единичные случаи ответов, определяющих немецкий язык в качестве родного. Так ответили 6 % участников, в частности, В. Эрлих (22 года), С. К. Балобанова (урожд. Вельш; 68 лет), Э. Кюль (64 года).

Реакция Эллы Кюль (64 года; род. в Казахстане) вполне предсказуема и обусловлена жизненными обстоятельствами: она переехала со своей семьей в Германию (на момент репатриации — 35 лет), где и живет по сей день уже 30 лет. Как указывает респондент (в беседе по телефону), немецкий всегда воспринимался ею как родной язык, так как дома на нем разговаривали, та же ситуация наблюдалась в семье мужа. Более того, она поясняет: *Русский язык уходит на второй план, так как в основном дома (в Германии. — авт.) разговариваем на немецком.* Сегодня Элла Кюль занимается миграционными проектами, и по роду деятельности ей приходится общаться и на русском, и на немецком практически каждый день. Собственный «уровень владения немецким и русским языками на момент написания источника» ею оценивается как *в совершенстве*. Однако тут же дополняется (дословно с первоисточника): *Когда разговариваю по телефону на русском, приходится концентрироваться, чтобы оставаться на русском языке.*

Что касается первых двух респондентов: их постоянное место жительства — РТ (Казань), первая рождена в Татарстане, вторая — в Ленинграде. В качестве основного языка общения дома называют немецкий, дают самооценку *родной* в графах анкеты «уровень владения русским языком на момент написания источника» и «уровень владения немецким языком на момент написания источника», при этом не комментируют свои ответы.

Думается, что их реакции обусловлены пониманием семантики определения *родной* в виде 'язык нации; первоначальный этнически'.

Со слов 6-ти участников записано, что для них *русский и немецкий одновременно* являются родными: К. И. Фрезе (21 год), М. П. Колоскова (87 лет), В. Хельмель (75 лет), Л. Бартэльмёс (63 года), М. Вильгельм (68 лет), В. Хуге (58 лет). Это 12 % от общего числа полученных реакций.

Например, К. И. Фрезе признает *родными языками и русский, и немецкий*, общается на обоих. Причем немецкий язык сознательно восстановлен: специально изучается респондентом, поскольку как язык семьи он был утерян, ее отцом И. Э. Фрезе (60 лет) полностью утрачены языковые компетенции его предков, хотя его бабушка Матильда, как и другие члены ее семьи, общалась и читала книги только на родном немецком языке. Сегодня в доме семьи Фрезе общение осуществляется только на русском.

Другая ситуация сложилась у М. П. Колосковой (дев. Майснер; 87 лет), родившейся в селе Йость (Jost) Куковского района (одной из немецких колоний Поволжья): ... *я четыре класса кончила, училась по-немецки, немецкие учителя были и русские, с 4-го класса нам русский преподавали... по-немецки читала книги «Тихий дон», «Петр I» ... много книг за свою жизнь перечитала*. И после 4 класса продолжила свое «обучение длиною в жизнь» (депортация, Сибирь, голод, холод, детский дом, трудармия, комендатура...) на русском языке. Про отца своего женщина вспоминает: *Отец наш в гимназии в Царицыно учился и умел хорошо по-русски разговаривать... нас еще с малых лет учил* (в частности, русскому. — авт.), *чтобы мы грамотные были....* Сегодня Мина Петровна больше говорит на русском языке, поскольку ее сыновья, внуки, правнуки не проявляют интереса к немецкой лингвокультуре. Раньше на немецком были переговоры с Германией, куда репатриировали в 90 е годы ее старшие сестры Мария Майснер (1924—2014) и Эмма Штерк (1922—2015) (одна младшая сестра Ирма Зинченко (1931—2014) осталась в Казахстане). Сейчас это крайне редкие звонки, чаще — по праздникам. Русский, таким образом, вытеснил немецкий язык и занял основное место в повседневной жизни и коммуникации респондента. Говорит Мина Петровна несколько растянуто-напевно, с легким (временами еле заметным) акцентом.

Общеизвестен факт связи «языка мышления» и способности билингов / полиглотов в зависимости от территории нахождения / проживания с легкостью «переключать лингвокогнитивные коды». В связи с этим для нас особенно важно было выяснить, совпадают ли язык общения и (условно) «язык мышления» и какие факторы могут влиять на этот процесс. Все респонденты (50 человек; 100 %) в графе анкеты «язык страны рождения

респондента» ответили «русский язык», в то время как на вопрос о языке мышления дали разные реакции, в частности: «русский язык» — 42 % (24 человека); «немецкий язык» — 32 % (16 человек); «русский и немецкий / немецкий и русский» — 18 % (9 человек); «немецкий / русский / казахский» — 2 % (1 человек).

Очевидно, самой многочисленной является первая группа, а «популярным» ответом — «русский — язык мышления», который дали, например, следующие респонденты: А. В. Винградов (28 лет), В. Л. Виноградов (54 года), С. К. Вельш (68 лет), Е. Рац (82 года), А. В. Роотермель (51 год), Е. Г. Сайбель (37 лет), А. А. Виттих (23 года), Э. Янке (22 года), А. И. Вейт (44 года), А. И. Кельш (25 лет), М. Н. Шнайдер (35 лет), Л. Кешнер (29 лет), Ю. Шнайдер (23 года) и др.

Так, ответ А. В. Виноградова (28 лет), «немца» в пятом поколении, живущего в г. Елабуге РТ, как и на предыдущие вопросы, был однозначен: «русский». Пожалуй, это единственный респондент, которому, как он сам выразился, «от немцев достался только высокий рост», поэтому связь с немецким этносом ощущается им только на уровне услышанных, по выражению самого респондента, «семейных легенд» о его прапрадеде, выходеце из поволжских немцев, которого звали Франц Иоганнович Катуйл.

Если ответ Андрея Виноградова (как и других респондентов, рожденных в СССР / России и живущих здесь, обучающихся в общеобразовательных и высших учебных заведениях, где основной язык обучения — русский, т. д.) — закономерность, то нами были получены ответы, которые вызвали удивление.

Например, Л. Кешнер (29 лет), проживающая в Германии, для которой немецкий язык сегодня является единственным языком общения, напротив, «языком мышления» называет «русский». На момент эмиграции, как говорит она сама, для нее родным был русский язык. Возможно, именно по этой причине он и на сегодняшний день является языком ее мышления. Такой же ответ мы получили и от репатриантки Ю. Шнайдер (23 года).

Вторую по численности группу составили реакции респондентов, назвавших языком мышления немецкий. В числе данной группы респонденты-реэмигранты, вернувшиеся из Казахстана в Германию и по настоящее время проживающие на территории последней. Э. Ленц (36 лет), для которой сегодня языком общения во всех сферах ее жизни является немецкий, обозначила его и языком мышления. Подобные же ответы были даны А. Шмидтом (68 лет), А. Латсманом (32 года), Г. Вингер (67 лет), Н. Норберт (52 года), О. Шваб (68 лет), Н. Скалоном (60 лет), Э. Раух (79 лет), Э. Андерш (Чумичкиной) (53 года), О. Герман (45 лет), И. Гольдер (48 лет),

В. Абтом (66 лет), Н. Штеклейн (57 лет), И. Бауэр (39 лет), И. Ленц (26 лет), И. Шелленберг (66 лет).

Когнитивная функция русского и немецкого (как вариант: немецкого и русского) языков одновременно особенно актуальна в процессе категоризации, интерпретации мира, в речемыслительной деятельности для К. Куксгаузен (24 года), М. П. Колоскова / Майснер (87 лет), В. Хуге (57 лет), М. Вильгельм (68 лет), Л. Бартэльмёс (63 года) и др. независимо от территории их проживания. Например, Ксения Куксгаузен (24 года), проживающая в г. Набережные Челны РТ, обозначила в качестве языка общения и родного языка «русский», отметив, однако, в качестве «языка мышления» одновременно и русский, и немецкий языки.

Самым интересным для нас оказался ответ о способности мыслить на трех языках. Тамара Шмидт (57 лет), жившая в Казахстане и живущая на территории Германии на момент интервьюирования уже 26 лет, указала три языка мышления «немецкий / русский / казахский».

Как показывают результаты нашего опроса, язык, распространенный на территории проживания, во многом обуславливает и «язык мышления». В основе расхождения могут быть причины, связанные с семейными традициями или с личным выбором самого респондента.

4. Выводы

Результаты проведенного исследования показали, что русские / российские немцы — уникальный этнос, проживающий на территории Российской Федерации и за ее пределами, органично сочетающий две культуры: немецкую и русскую, причем степень влияния первой или второй культуры может быть различна, что обусловлено различными факторами (социально-историческими, территориальными и т. д.). Уникальность этнических немцев, проживающих на территории с двумя базовыми языками (РТ, УР, РК), заключается в том, что они, помимо немецкой и русской культуры, органично впитывают особенности культур места проживания, что прослеживается на примере традиций респондентов, где наблюдается смешение этномаркеров трех культур: немецкой, русской, татарской / удмуртской / казахской. Этот факт подкрепляется и тем, что современные русские / российские немцы обозначенных территорий проживания причисляют себя к представителям разных культур, и зачастую одновременно, что является прямым свидетельством их транскультурности, то есть нахождения на перекрестке нескольких культур. Этим во многом и обусловлено появление уникальных реакций респондентов, связанных с их причислением себя к «русским» немцам, «казахским» немцам, «татарским»

немцам, что является свидетельством их так называемого «промежуточного» положения за пределами своей этнической родины.

Проведенное исследование позволило выявить образ языковой личности современного российского немца, проживающего в России и Казахстане. Он, на наш взгляд, может быть представлен так: двойственная или даже множественная языковая идентификация, билингвизм, трилингвизм, в некоторых случаях полилингвизм, интерференция, включение безэквивалентной лексики и т. п. Отметим также, что тип лингвокогнитивной личности российского немца подвижный, и если в XIX веке он был «капсульный», то сегодня он однозначно «открытый», что обусловлено прежде всего сильным влиянием экстралингвистических факторов (лингвокультурный ареал, смешанные браки, длительное проживание на территории Российской Федерации).

Литература

1. Данилова Ю. Ю. Концептуальная оппозиция «свой — чужой» как способ самоэтноидентификации российских немцев / Ю. Ю. Данилова // Российские немцы : вопросы языка, культуры и самоидентификации : сборник статей. — Казань : Школа, 2016. — С. 57—63.

2. Данилова Ю. Ю. Определение этнонима как способ этнической (само)идентификации российских/русских немцев / Ю. Ю. Данилова, Д. А. Салимова, Д. Т. Алмагамбетова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 12. — Ч. 1. — С. 74—78.

3. Данилова Ю. Ю. О «рождённых в России и рождённых Россией» немцах в истории русской литературы / Ю. Ю. Данилова, Д. А. Салимова, И. Е. Крапоткина // Мир науки, культуры, образования. — 2015. — № 6 (55). — С. 293—297.

4. Данилова Ю. Ю. Проблема этнокультурной самоидентификации этнических немцев в публицистике Р. Лейнонена : к вопросу о двументальности / Ю. Ю. Данилова, Л. А. Гильмутдинова // Лингвокультура и концептуальное пространство языка : сборник статей : вып. 10. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2016. — С. 244—263.

5. Евтеева Т. А. Этнолингвокультурная составляющая жизнедеятельности этнических немцев, проживающих на территории г. Елабуги РТ / Т. А. Евтеева // Российские немцы : вопросы языка, культуры и самоидентификации : сборник статей. — Казань : Школа, 2016. — С. 63—68.

6. Ивыгина А. А. Ф. П. Аделунг и его потомки : биография и судьба рода российских немцев / А. А. Ивыгина, Ю. Ю. Данилова, Д. А. Салимова // Мир науки, культуры, образования. — 2016. — № 6 (61). — С. 461—466.

7. Ивыгина А. А. Этнонимы «русский» и «немец» как маркеры самоидентификации личности : на материале автобиографического романа российского немца Якова Иккеса «На задворках распятой страны» / А. А. Ивыгина, Ю. Ю. Данилова // Филологос. Выпуск 3 (34). — Елец : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2017. — С. 49—54.

8. *Конституция* Республики Казахстан от 30 августа 1995 года (с изменениями от 1998 и 2011 годов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.constitution.kz/>.

9. *Конституция* Республики Татарстан от 6 ноября 1992 года (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://base.garant.ru/8108000/#ixzz3kNzMhYSh>.

10. *Конституция* Удмуртской Республики от 7 декабря 1994 года (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://constitution.garant.ru/region/cons_udmurt/.

11. Салимова Д. А. Интерес к родному языку и сохранение этнической самоидентификации у российских немцев / Д. А. Салимова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. — 2017. — Т. 14. — № 3. — С. 375—383.

12. Салимова Д. А. Историко-социальный подход к проблеме языка и культуры российских немцев Поволжья (на материале опубликованных архивных документов) / Д. А. Салимова, Ю. Ю. Данилова, И. Е. Крапоткина // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4 (54). — С. 134—139.

13. Салимова Д. А. Этническая культура российских немцев как вектор социолингвистических исследований / Д. А. Салимова, И. И. Ушкова // Российские немцы : вопросы языка, культуры и самоидентификации : сборник статей. — Казань : Школа, 2016. — С. 84—88.

14. Ягудина Л. И. Причины утраты и возобновления своих лингвоэтнокультурных корней (на материале анализа данных четырех семей российских немцев) / Л. И. Ягудина, А. И. Саушкина // Российские немцы : вопросы языка, культуры и самоидентификации : сборник статей. — Казань : Школа, 2016. — С. 88—94.

15. Salimova D. A. Problems of ethnic-cultural codes preservation, ethnic and self-identification of the Russian Germans / D. A. Salimova, J. J. Danilova // International Journal of Humanities and Cultural Studies (IJHCS). — 2016 (August, Special Issue). — Pp. 100—107.

Linguistic and Cognitive Aspects of Self-Identity of Russian Germans: by Questionnaires and Depth Interviews Data¹

© Danilova Yuliya Yuryevna (2017), orcid.org/0000-0003-0004-5885, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language and Literature, Yelabuga Institute of Kazan Federal University (Yelabuga, Russia), daniловаesu@mail.ru.

1 The work is financially supported by RHSF 15-04-0001a “Language and culture of Russian Germans in migration: problems of self-presentation and identity”.

© **Ivygina Alena Aleksandrovna (2017)**, orcid.org/0000-0002-6080-0435, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language and Literature, Yelabuga Institute of Kazan Federal University (Yelabuga, Russia), iinguistika@mail.ru.

The question of ethno-cultural identity of contemporary ethnic Germans living on the territory of Republic of Tatarstan, Udmurt Republic and Kazakhstan and repatriated to Germany is raised. The article is a description of a two-year research work of the authors in the collection of empirical material, that is able to provide analytical and statistical data obtained as a result of a linguistic experiment based on the questionnaires and interviews. The research urgency is caused by the phenomenon of "Russian Germans" itself (they are representatives of two distinctive ethnic cultures). The specificity of their linguistic and ethno-cultural self-presentation and identity was studied. The study of the ethnic Russian Germans can be considered as a contribution to the study of the capacity for integration. Scientific novelty consists in the fact that this finding is intended to reveal the cultural and linguistic characteristics (involving linguistic and extralinguistic information) of Russian Germans and to answer the main research question: if the modern representatives of ethnic Germans are the "capsule" or "open" community. Special attention in the article the authors also give to identification of differences between Russian Germans from Kazakhstan and those of the Russian Federation (on the example of two republics). In addition, the so-called "Kazakh-German," "Russian-German," "Tatar-German" cultural and language areas are revealed in the migrant communities mostly of the 3rd, 4th, 5th and later generations.

Key words: Russian Germans; ethnolinguistic identity; language; ethnic group; migration; Republic of Tatarstan; Udmurt Republic; Kazakhstan; Germany.

References

- Danilova, Yu. Yu. 2016. Kontseptualnaya oppozitsiya «svoj — chuzhoj» kak sposob samoetnoidentifikatsii rossijskikh nemtsev. In: *Rossijskiye nemtsy: voprosy yazyka, kultury i samoidentifikatsii*. Kazan': Shkola. 57—63. (In Russ.).
- Danilova, Yu. Yu., Gilmutdinova, L. A. 2016. Problema etnokulturnoj samoidentifikatsii etnicheskikh nemtsev v publitsistike R. Leynonena: k voprosu o dvumentalnosti. In: *Lingvokultura i kontseptualnoye prostranstvo yazyka*. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGEU. 10: 244—263. (In Russ.).
- Danilova, Yu. Yu., Salimova, D. A., Almagambetova, D. T. 2016. Opredeleniye etnonima kak sposob etnicheskoy (samo)identifikatsii rossijskikh / russkikh nemtsev. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12 (1): 74—78. (In Russ.).
- Danilova, Yu. Yu., Salimova, D. A., Krapotkina, I. E. 2015. O «rozhdennykh v Rossii i rozhdennykh Rossiey» nemtsakh v istorii russkoy literatury. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 6 (55): 293—297. (In Russ.).
- Evtseyeva, T. A. Etnolingvokulturnaya sostavlyayushchaya zhiznedeyatelnosti etnicheskikh nemtsev, prozhivayushchikh na territorii g. Elabugi RT. In: *Rossijskiye nemtsy: voprosy yazyka, kultury i samoidentifikatsii*. Kazan': Shkola. 63—68. (In Russ.).
- Ivygina, A. A., Danilova, Yu. Yu. Etnonimy «russkiy» i «nemets» kak markery samoidentifikatsii lichnosti: na materiale avtobiograficheskogo romana rossijskogo nemtsa Yakova Ikkesa «Na zadvorkakh raspyatoy strany». *Filologos*, 3 (34): 49—54. (In Russ.).

- Ivygina, A. A., Danilova, Yu. Yu., Salimova, D. A. 2016. F. P. Adelung i ego potomki: biografiya i sud'ba roda rossiyskikh nemtsev. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 6 (61): 461—466. (In Russ.).
- Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan ot 30 avgusta 1995 goda (s izmeneniyami ot 1998 i 2011 godov)*. Available at: <http://www.constitution.kz/>. (In Russ.).
- Konstitutsiya Respubliki Tatarstan ot 6 noyabrya 1992 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami)*. Available at: <http://base.garant.ru/8108000/#ixzz3kNzMhYSh>. (In Russ.).
- Konstitutsiya Udmurtskoy Respubliki ot 7 dekabrya 1994 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami)*. Available at: http://constitution.garant.ru/region/cons_udmurt/. (In Russ.).
- Salimova, D. A. 2017. Interes k rodnomu yazyku i sokhraneniye etnicheskoy samoidentifikatsii u rossiyskikh nemtsev. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsialnost'*, 14 (3): 375—383. (In Russ.).
- Salimova, D. A., Danilova, Yu. Yu. 2016. Problems of ethnic-cultural codes preservation, ethnic and self-identification of the Russian Germans. *International Journal of Humanities and Cultural Studies (IJHCS)*. (August, Special Issue): 100—107. (In Russ.).
- Salimova, D. A., Danilova, Yu. Yu., Krapotkina, I. E. 2015. Istoriko-sotsialnyy podkhod k probleme yazyka i kultury rossiyskikh nemtsev Povolzhya (na materiale opublikovannykh arkhivnykh dokumentov). *Politicheskaya lingvistika*, 4 (54): 134—139. (In Russ.).
- Salimova, D. A., Ushkova, I. I. 2016. Etnicheskaya kultura rossiyskikh nemtsev kak vektor sotsiolingvisticheskikh issledovaniy. In: *Rossiyskiye nemtsy: voprosy yazyka, kultury i samoidentifikatsii*. Kazan': Shkola. 84—88. (In Russ.).
- Yagudina, L. I., Saushkina, A. I. 2016. Prichiny utraty i vozobnovleniya svoikh lingvoetnokulturnykh korney (na materiale analiza dannykh chetyrekh semey rossiyskikh nemtsev). In: *Rossiyskiye nemtsy: voprosy yazyka, kultury i samoidentifikatsii*. Kazan': Shkola. 88—94. (In Russ.).